

Глава 3. Истоки. Часть третья

Янь Сюнь последовал за Лу Цзычжао из Дали-сы к ожидавшей их повозке. Лу Цзычжао сам сел на козлы, оставив Янь Сюня и Хань Ши вдвоем в тесном нутре экипажа.

Был лишь час Суй, и снаружи еще кипела жизнь. Городской шум, однако, не достигал слуха Янь Сюня — всё его внимание было приковано к Хань Ши. Сердце императора сжималось от тревоги: он до смерти боялся, что Хань Ши испустит дух, так и не добравшись до дворца.

Внезапно пальцы Хань Ши дрогнули. Он мертвой хваткой вцепился в ладонь Янь Сюня — так сильно, словно хотел прорвать плоть и коснуться самих костей.

Янь Сюнь вздрогнул, но боли не почувствовал. Напротив, его захлестнула нечаянная радость.

— Синчжи, ты очнулся?

Хань Ши приоткрыл затуманенные глаза. Он едва сфокусировал взгляд на чертах Янь Сюня; он затрепетал губами, пытаясь что-то произнести, но мгновение спустя веки вновь тяжело сомкнулись.

Миновав шумные рыночные кварталы, повозка выехала на пустынные улицы. Тишину нарушал лишь мерный перестук копыт, но вскоре затих и он.

Янь Сюнь откинул полог и вышел наружу, однако перед ним предстал вовсе не Дворец Цихуа, где он обычно почивал. Это был Павильон Гуйюй — место, где он провел детство вместе с матерью. С тех пор как они покинули эти стены, павильон пустовал.

Подозрение закралось в душу. Обернувшись к Лу Цзычжао, Янь Сюнь холодно спросил:

— Чего добивается Чэнсян Сяо?

Лу Цзычжао почтительно поклонился:

— Не смею гадать о помыслах молодого господина. Павильон Гуйюй был приведен в порядок по его распоряжению. Ваше Величество, прошу, входите.

Янь Сюнь замер на месте, глядя на полную луну в вышине. Он горько усмехнулся: «Сяо Юэбай, ты приказал Лу Цзычжао вернуть меня во дворец, но запретил возвращаться в свои покои. Запер меня в этом павильоне... К чему все эти интриги?»

Заметив колебания императора, Лу Цзычжао поторопил его:

— Ваше Величество, промедление может стоить господину Ханю жизни.

Эти слова заставили Янь Сюня шагнуть за порог. Внутри всё осталось прежним: убранство павильона в точности повторяло то, каким он помнил его с малых лет.

По приказу Лу Цзычжао Хань Ши перенесли в боковой покой и спешно вызвали Императорского лекаря Нина. Старик вбежал запыхавшимся, едва переводя дух. Увидев императора у постели больного, он едва не лишился чувств от неожиданности и уже собрался пасть ниц, но Янь Сюнь прервал его:

— Оставь церемонии. Скорее осмотри господина Ханя.

Лекарь, не задавая лишних вопросов, принялся за дело. Он осмотрел раны, велел снять с Хань Ши остатки изорванной одежды и принялся промывать глубокие порезы чистой водой, после чего бережно нанес целебные мази.

От невыносимой боли Хань Ши порой издавал тихие стоны, но в конечном итоге окончательно провалился в глубокое забытие.

Закончив обработку, Императорский лекарь Нин выписал рецепт и передал его стоявшему рядом евноху, велел немедленно приготовить отвар. Лишь после этого он обратился к императору:

— Ваше Величество, раны господина Ханя хоть и выглядят устрашающе, заделали лишь плоть. Угрозы для жизни нет. Три дня приема лекарств и неделя покоя поставят его на ноги.

Услышав это, Янь Сюнь наконец почувствовал, как невидимые тиски, сжимавшие его грудь, разжались.

— Вот и славно. Для полной уверенности, дорогой Нин, приди и осмотри его завтра.

Лекарь откланялся и вышел. Лу Цзычжао, дождавшись, пока шаги старика затихнут, обратился к императору:

— Таков приказ Молодого господина: Ваше Величество не должен покидать Павильон Гуйюй до самого дня великой свадьбы.

Значит, Сяо Юэбай решил заточить его здесь?

Янь Сюнь даже не нашел в себе сил для гнева. Он презрительно усмехнулся:

— У Чэнсяна Сяо будут еще распоряжения? Можете передать ему — я во всем подчинюсь.

Проигнорировав сарказм в голосе монарха, Лу Цзычжао сухо ответил:

— Вашему Величеству стоит отдохнуть. За господином Ханем присмотрят слуги. Завтра утром я пришлю свадебное одеяние. Если размер не подходит, нужно будет успеть его перешить.

— Я сам присмотрю за Синчжи, проваливай, — Янь Сюнь нетерпеливо взмахнул рукавом. — И не смей больше попадаться мне на глаза.

Лу Цзычжао поклонился и покинул павильон, выставив у входа надежную стражу.

Янь Сюнь достал чистую нижнюю одежду и сам переодел друга. Он действовал предельно осторожно, стараясь не тревожить израненное тело; когда дело было закончено, на лбу императора выступила испарина.

Через час евнух принес дымящийся темно-коричневый отвар, от которого исходил густой горький запах. Янь Сюнь одной рукой приподнял Хань Ши, прижимая к себе, а другой — осторожно влил лекарство ему в рот.

Находясь в беспамятстве, Хань Ши с трудом проглотил снадобье, но под конец зашелся в слабом кашле, пролив часть на себя. Янь Сюнь отставил чашу и мягким шелковым платком бережно отер подбородок и шею друга.

От этих прикосновений к Хань Ши на мгновение вернулось подобие сознания.

— А-Сюнь... ты... ни в коем случае не... — прохрипел он.

Он не успел договорить — силы оставили его. Из-за слабого голоса Янь Сюнь расслышал лишь свое имя, а смысл предостережения остался неясным.

Глядя на Хань Ши в этой до боли знакомой обстановке, Янь Сюнь невольно погрузился в воспоминания. В детстве Хань Ши был баньду его старшего брата от другой матери. Семья Хань приложила огромные усилия, чтобы устроить его на эту должность. Но однажды, когда старший принц принялся задирать младшего, Хань Ши не выдержал. Вспыхнула ссора, переросшая в драку. Старший брат, куда более крепкий и вспыльчивый, не пощадил хрупкого Хань Ши. Мальчику сломали ногу, а после — с позором выгнали из дворца. Для клана Хань это стало несмыслаемым бесчестием. Дома Хань Ши подвергли суровой порке, после которой десятилетний ребенок не мог подняться с постели целый месяц.

Незаметно мысли Янь Сюня переметнулись к Сяо Юэбаю. Он ясно помнил их первую встречу. Сяо Юэбай стоял среди пышных, цветущих пионов. На нем было простое одеяние цвета лунного сияния — ни драгоценных камней, ни резной яшмы на поясе, даже иссиня-черные

волосы были перехвачены лишь скромной лентой в тон одежде. Он казался воплощением чистого лунного света — холодным, отстраненным, недостижимым.

Сяо Юэбай неспешно подошел к нему и отвесил поклон. Когда он поднял голову и их взгляды встретились, Янь Сюню показалось, что вся яркая красота пионов вокруг разом поблекла, превратившись в нечто грубое и никчемное.

Убаюканный этими путаными мыслями и накопившейся усталостью, Янь Сюнь склонил голову на край постели Хань Ши и забылся тревожным сном.

На следующее утро, стоило первым лучам рассвета тронуть небосвод, в дверь негромко, но настойчиво постучали.

Янь Сюнь мгновенно выпрямился.

— Входи.

Лу Цзычжао вошел, неся в руках свадебное одеяние. Его алый цвет был настолько вызывающе ярким, что Янь Сюнь зажмурился. И в этот миг остатки сна окончательно покинули его разум.

<http://bllate.org/book/17467/1692218>